

Дмитрий Абрамов
Марина Ковалёва

ЦАРЬ ДИМИТРИЙ

Загадки и тайны
Смутного времени

Дмитрий Абрамов

**Царь Димитрий. Загадки и
тайны Смутного времени**

«Алисторус»

2023

УДК 82-94

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Абрамов Д. М.

Царь Димитрий. Загадки и тайны Смутного времени /
Д. М. Абрамов — «Алисторус», 2023

ISBN 978-5-00180-945-6

Человек, занимавший русский престол под именем Лжедмитрия I, пожалуй, самый загадочный персонаж русской истории. Эта личность на протяжении столетий вызывала бурные споры. И ни в XIX, ни в XX веке историки так и не пришли к единому мнению. Предлагаемая книга написана на основе трудов о Смутном времени графа Сергея Дмитриевича Шереметева. Он не был профессиональным историком, но имел горячее желание «докопаться до истины» и большие возможности, позволяющие ему использовать материалы не только государственных, но и монастырских, и частных архивов. Своими наблюдениями и выводами он делился с профессиональными историками, многие из которых (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский, Н.П. Барсуков) считали его предположения вполне обоснованными. С.Д. Шереметев был уверен, что царевича Дмитрия не убили в Угличе; его вывезли на Север, где в одном из монастырей готовили к царствованию... При работе над книгой авторы использовали помимо опубликованных в XIX веке работ графа, архивные материалы: рукописи, заметки, наброски, неопубликованные труды исследователя, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов. Диалоги с участием Сергея Дмитриевича Шереметева написаны на основе его писем и дневниковых записей. Книга представляет собой художественно-историческое произведение и будет интересна тем, кто увлекается русской историей.

УДК 82-94

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00180-945-6

© Абрамов Д. М., 2023

© Алисторус, 2023

Содержание

Преуведомление	7
Предисловие и посвящение	8
Глава 1	16
Долгая прелюдия русского перегрева (1591–1601 годы)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Абрамов, Марина Ковалёва
Царь Димитрий
Загадки и тайны Смутного времени

* * *

© Д. Абрамов, М. Ковалёва, 2023

© ООО «Издательство „Родина“», 2023

Преуведомление

Многоуважаемый читатель, эта книга не повесть и тем более, не роман. Это – вариант историко-художественного изложения событий, происходивших в России с 1591 по 1606 годы. Последнее время об этом периоде нашей истории писались статьи и монографии, ставились пьесы и художественные фильмы. Но всё ли прояснилось окончательно; сняты ли все вопросы о Смуте и предшествовавшем ей периоде?

Трудно, почти невозможно отказаться от стереотипов, особенно если они прописаны пером выдающихся учёных-историков. Но есть множество причин объективного и субъективного характера, по которым на протяжении трёх столетий невозможно было описать день 14 мая 1591 года, не упомянув при этом обвинённого в «убийстве» главного дьяка города Углича Михаила Битяговского и «заказчика» убийства главу Боярской думы Бориса Годунова. Династии, пришедшие к власти после этих событий, и тем более после убийства в Москве 17 мая 1606 года человека, который уже почти год был венчан на царство, не нуждались в истинном освещении событий. Да и многое в истории нашего Отечества было бы понятно, если бы историки не списывали приглашение на царство в Москву польского королевича Владислава на продажность Семибоярщины.

Авторы этой книги не претендуют выдвинуть её на роль «истины в последней инстанции». Волею случая, который в той или иной степени присутствует в судьбе каждого исследователя, нами были тщательно изучены труды по истории Смутного времени графа Сергея Дмитриевича Шереметева. О нём и его научном методе подробно изложено в «Посвящении». Здесь же авторы стремятся обратить внимание читателя на следующие обстоятельства:

– Шереметев имел возможность использовать материалы архивов, как государственных, так и частных;

– обширная переписка графа, по счастью, во многом сохранившаяся, позволяет выявлять круг его адресатов, среди которых были и профессиональные историки, в разной степени, направлявшие его исследования.

В заключении, многоуважаемый читатель, хотелось бы обратить Ваше внимание на то, что в художественном тексте книги почти нет вымышленных имён и персонажей. В подавляющем большинстве своём все они принадлежат персонам, выявленным графом С. Д. Шереметевым в ходе его многолетних архивных поисков. Да и канва повествования принадлежит его перу.

Так к какому же жанру принадлежит книга? Скорее всего, жанр этот – ЭССЕ. В текст книги введены разговоры графа с некоей собеседницей. Но и в данном случае в уста Сергея Дмитриевича вложены были только его слова, взятые из писем. Авторам показалось важным для осмысления происходящих событий внести в текст книги его научное обоснование и объяснение.

Предисловие и посвящение

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918.) по праву своего рождения занимал высокое положение в обществе и достиг значимых постов. В 1884 году он выходит в отставку в чине генерал-майора и переходит на гражданскую службу действительным статским советником. Дальнейшая его жизнь, вся без остатка, была посвящена любимому делу: охране памятников истории и культуры; их изучению и популяризации; служению тем идеалам, которые он находил главнейшими.

В 1885 году московское дворянство избирает его на два срока своим предводителем. В 1900 году Сергей Дмитриевич становится председателем Археографической комиссии. Опыт отбора материалов и подготовки их к публикации граф приобрёл, работая ещё в Обществе любителей древней письменности, членом которого он состоял с 1888 года. Общество ставило своей целью издания «памятников древней письменности и культуры» и тем самым способствовало введению в научный оборот малоизвестных текстов.

Работал граф и в Обществе ревнителей русского исторического просвещения, членами которого были многие известные ученые-историки того времени.

Надо сказать, что интерес к истории у графа Шереметева появился еще в детстве, чему немало способствовал его учитель – Михаил Петрович Мосягин. Под его руководством был составлен список книг для чтения по истории, и этой привычке – читать исторические исследования – граф оставался верен всю жизнь. Когда же интерес его сосредоточился на Смутном времени, то самым внимательнейшим образом им вновь были перечитаны труды историков по этой проблематике. К тому времени историография Смуты была представлена именами таких исследователей, как: Карамзин, Соловьев, Ключевский, Бестужев-Рюмин, Костомаров, Иловайский, Иконников, Платонов...

Для того, чтобы глубже проникнуть в научный метод исследователя С. Д. Шереметева, постараемся обратить внимание на различия в понимании явлений Смуты у предшественников и современников графа.

Первые профессиональные русские историки – В. Н. Татищев и М. М. Щербатов при описании событий Смуты следовали летописной традиции и летописным свидетельствам (Скрытников Р. Г. Социально-политическая борьба в русском государстве в начале XVII века. Л. 1985. С.3.). Татищев, в основном, цитировал произведения XVII века, созданные «в пику» Годунову его противниками, близкими к Романовым. Его работа представляет собой полноценную компиляцию. На этом фоне исследование М. М. Щербатова – значительный шаг вперед. Несмотря на то, что работа Щербатова носит характерное название: «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от многих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича... собрано из древних тех времен писаний» (Спб., 1771.), автор сделал попытку указать причины социальных катаклизмов конца XVI века. Исследование Щербатова выходит на новый уровень понимания Смуты (у Татищева это лишь «безумная распря знатных шляхетских родов»), для него это «буйство народное», причиной которого прямо называется политика закрепощения времен Бориса Годунова. Эту же мысль высказал в свое время и Татищев, но у него она не получила дальнейшего развития и «потерялась» среди борьбы за власть и влияния на слабовольного царя. Щербатов также более критично подошел к анализу летописных свидетельств. Однако летописные данные по-прежнему оставались главным источником не только фактов, но и оценок. Преобладание летописной традиции не может, тем не менее, помешать считать эти два подхода первым научным опытом исследования эпохи.

Н. М. Карамзин в своем исследовании Смуты в рамках «Истории государства Российского» не видел сколько-нибудь закономерных причин в выступлении народа и казачества,

однако, в качестве причины событий отмечал болезнь («разврат») общества в целом «от черни до вельможного сана» (Карамзин Н. М. история государства Российского, т. 12 Спб. 1843, С.15.). Щербатов разумел под причинами Смуты сугубо экономические аспекты (аграрную политику правительства, не принятую ни дворянством, ни крестьянством, ни боярством). У Карамзина же на первый план выходило «худое происхождение» Годунова, помешавшее ему стать подлинным царем в глазах народа, узурпаторский характер его власти, а также и внешний фактор – стремление соседей Московии к ее ослаблению всеми возможными средствами. Вмешательство внешних врагов Карамзин считал главной причиной Смуты.

Абсолютно новую трактовку событий Смутного времени предложил С. М. Соловьев. Отбросив «экономические послышки» народных волнений, поставленные на первый план Татищевым и Щербатовым, автор принципиально отошел также и от Карамзинского подхода к изучению этого явления. Господство внешнего фактора он заменил тезисом о плохом состоянии общественной нравственности накануне событий Смуты и о поврежденных нравах – главной её причине. Годунов, сам человек болезненно подозрительный, мелкодушный и боязливый, уже олицетворял, по мнению Соловьева, возможность начала социальных катаклизмов. Подобная же болезнь «прикинулась и развилась во всем общественном теле, потому что тело это заключало в себе множество дурных соков. Борьба между князьями за волости сменилась борьбой государей московских... Борьба эта достигла до ужасных размеров в царствование Грозного. Водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближнего, сокрушение прав слабого перед сильным...» (Соловьев С. М. Об истории Древней России. М. 1997. С. 280–281.).

Кроме того, развитие конфликтов в московском обществе изучаемого периода благоприятствовало еще одно, указанное автором обстоятельство – стремительное становление и развитие со второй половины XVI века казачьего сословия. Казак виделся Соловьевым как «беглец... из общества», который не мог «согласить своих интересов с интересами государства» (Там же. С. 282.), постоянно действуя вопреки этим интересам. Казак здесь – некий социально-психологический тип. Обладатели «казацкого характера», недовольные своим состоянием примкнули к вступившим в пределы страны «украинцам». Смута, считает автор, была выгодна людям такого рода с их «противообщественным» бытом. Потому Смута у Соловьева может быть рассмотрена как борьба двух начал – общественного и антиобщественного, борьба земских людей – собственников, заинтересованных в стабильности, с «казаками» – людьми безземельными и «бродящими», стремящимися к жизни за счет общества. Подвергнув резкой критике теорию о закрепощении, как причине Смуты, Соловьев отмечал локальность крестьянских бунтов, нежелание крестьян самостоятельно противостоять деструктивной силе казачества, и, в то же время, нежелание большинства принимать ценностей казацкого быта...

Если рассмотреть концепцию Смуты этого автора в свете его общей теории русской истории, которая легла в основу «государственно-юридической школы», то Смутное время – один из рецидивов пережитков родового строя, когда каждый человек по-прежнему ощущал себя не членом общества, а «особе», в то время, как внешне процесс государственного строительства казался завершенным. Последние события Смуты стали первым этапом процесса формирования подлинного государственного общества, который завершил уже Петр I.

Для русского общества и народа последствия Смуты занимают центральное место в трудах двух крупнейших последователей Соловьева – В. О. Ключевского и С.Ф. Платонова.

Ключевский в своем «Курсе русской истории» применил новые подходы к событиям Смутного времени, предложив сместить акценты в сторону изменения характера взаимодействия государственных институтов (прежде всего, царской власти) и обществом нового типа, нарождающимся в России. Автор видел своей задачей «обзор событий Смутного времени в их последовательном развитии и внутренней связи» (Ключевский В. О. Курс русской истории. М.

1904. С. 285.). Так была создана стройная концепция «постепенного вхождения в Смуту всех слоев тогдашнего московского общества».

Исследование Ключевского опирается на исторические источники и документы – от приговора Земского Собора 1598 года до крестоцеловальной записи 1606 года. Далее автор рассматривает и цитирует договор 4 февраля 1610 года. Главным объектом его исследования становится развитие политических институтов на фоне эволюции русской политической мысли.

Деятельность боярства в первые годы после смерти Федора Ивановича заложила, по мнению Ключевского, фундамент будущих потрясений. Главным же толчком к общественно-политическому кризису стало насильственное пресечение правящей династии и узурпация трона, с одной стороны, а с другой – обнаружившаяся со временем полная неготовность тогдашнего московского общества к новым политическим реалиям. Обстоятельства вытесняли представление о царе, как о хозяине всей земли, о поголовном «холопском» статусе всего населения страны, устанавливая почву для нового понимания ситуации. Приходило осознание того, что не может быть государства без народа; взамен старому стереотипу, что государство может быть без народа, но не без царя.

Одновременно с этим фактором, Ключевский отмечает и другие, подготовившие почву для социального взрыва. Это – тяжелое экономическое положение после царствования Грозного, политические устремления боярской верхушки, несправедливое распределение государственных повинностей, порождавшее социальную рознь. К ним также относится плохое состояние «общественное нравственности», прямым олицетворением которой был в глазах современников образ действий самих верховных правителей, начиная с Ивана IV.

Ключевский, как человек своего времени (времени конституционных мечтаний интеллигенции), особое внимание уделял метаморфозам политического сознания людей эпохи. Во-первых, одной из причин Смуты он видел отсутствие у «выбранного царя» – Годунова – желание дать какую-либо «запись», ограничивающую его власть. Во-вторых, итогом событий рубежа XVI–XVII веков является не только появление новой династии, но также и изменения в мировоззрении – формирование представлений об обществе, как о неотъемлемой составляющей государства, прекращение отождествления государства и персоны царя. Политическими последствиями Смуты автор считает расстройство системы местничества и, как следствие этого, изменение структуры общества в целом (усиление роли среднего и мелкого боярства и дворянства, упадок боярства, как политической силы), возрастание (на определенное время, для поддержания авторитета новой династии) роли Земских соборов.

Еще более полно раскрыл сложный внутренний кризис второй половины XVI века, вылившийся позднее в Смуту, С. Ф. Платонов. В отличие от Ключевского, который считал началом Смуты 1605 год, Платонов вёл её отсчет со смерти царя Федора, и, в отличие от своих предшественников, особое внимание обратил не на канву событий, а на борьбу родовых группировок при дворе. Потому он и предложил исследование на уровне персоналий и их личные взаимоотношения на фоне различия политических интересов.

Исследование причин Смуты привело автора к мысли о том, что «Смута имела корни в московской жизни, а не была сюрпризом», подготовленным московскому государству «польскими кознями и папской интригой». (Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. – м.1995, с. 82.). В государстве время переживаемого тяжелого перелома – это конфликт между властью и землевладельческой аристократией, с одной стороны, и конфликт между землевладельческим классом и крестьянством – с другой. Эту проблему поставят во главу угла в советской историографии исследователи: Греков, Корецкий, Маковский, Скрынников, Зимин и др.

Платонов впервые отмечает, как важнейшую черту эпохи, запустение центральных областей вследствие земельной политики «опричных времен»; говорит об особом развитии «укра-

инного» казачества в рассматриваемую эпоху и об особой, скорее отрицательной, его роли в ходе Смуты.

Такие черты времени, плюс династический кризис, стали фундаментальными причинами начала социальных катаклизмов. «Сильное правительство, – пишет Платонов, – могло бы господствовать над положением дел... но лишь только в Москве сменил Грозного царя слабый и больной царь Федор, болезненные процессы в общественном организме стали выходить наружу». (Там же, с.122.)

В целом, Платонов продолжает традиции изучения Смутного времени, заложенные Ключевским. Это касается и общей концепции Смуты, и анализа ее итогов, в качестве которых он называет качественное изменение общественного сознания, отход от традиционного понимания характера царской власти и роли народа в государстве, политическое «поражение» как старой боярской аристократии, так и казачества.

Рассмотренные выше две концепции Смутного времени оказали огромное воздействие на современников. Труд Платонова вызвал ряд положительных отзывов в научных изданиях. В процессе работы автор учитывал мнение и переписывался с другими исследователями, в том числе и с графом Шереметевым. (Платонов С. Ф. Письма С. Ф. Платонова графу С. Д. Шереметеву о Смутном времени. Архив русской истории, 1993, № 3, с. 177–186.)

Рецензенты отмечали, что Платонов не был сторонником внешнеполитического характера самозванческой интриги, как, например, Д. И. Иловайский, и на первый план выдвигал внешнеполитические проблемы, ставшие почвой для социального конфликта. Однако, некоторые историки (среди них на первом месте следует отметить В. С. Иконникова) справедливо замечали отсутствие необходимых для такого полного исследования характеристик основных действующих лиц Смутного времени.

Эту задачу взял на себя и успешно решал граф Сергей Дмитриевич Шереметев. Его работы представляют собой разработку отдельных сюжетов, казавшихся автору ключевыми для той эпохи. Но этим сюжетам присуще то, что, в конечном счете, не хватает практически всем исследователями – психологических портретов деятелей времени и психологической характеристики их поступков. Подробно о работах графа Шереметева о Смутном времени будет сказано ниже.

В работе Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства» приводится широкий источниковедческий материал, на основании которого автор приходит к выводу, что причину «московской трагедии» следует искать за границей – в Польше и Риме. Там специально был создан Отрепьев с «легендой» достоверно убитого Дмитрия, и сам самозванец прекрасно знал, какая у него роль в этом «действе». Внутреннее развитие России, по мнению Костомарова, «вообще идущее чрезвычайно последовательно, но его разумный ход будто перекакивает через Смутное время...», то есть эпоха катаклизмов вовсе не была подготовлена событиями предыдущих десятилетий, а была принесена извне. (Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII века: исторические монографии и исследования, кн. II, СПб. 1904.).

С таким взглядом полностью согласен и Д. И. Иловайский. В своей работе «Смутное время московского государства» он прямо называет виновниками кризиса поляков и иезуитов. Смута в его представлении – «адский замысел против Московского государства» (Иловайский Д. И. Смутное время Московского государства. М. 1894, с. 3.). Самозванство он представляет как главную черту времени, а «заводчики» ее в России – Мнишки, Вишневецкие и Сапегы. «Идея самозванства витала в воздухе – как внутри Московии, так и за ее пределами».

Другое кардинальное отличие концепции Костомарова – это утверждение, что Смута ничему не научила русское общество. «Чаще всего в истории за потрясениями такого рода следовали важные изменения в политическом, общественном и нравственном строе той страны, которая их испытала. Наша смутная эпоха ничего не изменила, не внесла в государственный

механизм, в строй понятий, в быт общественной жизни, в нравы и стремления... Таким образом, рассмотрев разные стороны русской жизни, мы приходим к заключению, что смутная эпоха не произвела коренного переворота во внутреннем мире исторической жизни русского народа и русской земли...» (Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 779.). Тезис этот довольно спорный, однако же внешние влияния (им уделял и особое внимание и С. Д. Шереметев) в эпоху Смуты интересовали многих исследователей, и точка зрения на нее, как на привнесенную извне, нашла признание у некоторых исследователей, кроме названных (в частности, у И. С. Беляева).

Ближе всех к пониманию и изучению событий Смутного времени позиций, близких С. Д. Шереметеву, стоял К. Н. Бестужев-Рюмин, автор «Русской истории». Одна из глав этой работы была посвящена проблемам рассматриваемой эпохи (Бестужев-Рюмин Н. К. Русская история, гл.10 «Обзор событий от смерти царя Ивана Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова» Журнал Министерства народного просвещения, 1887, № № 7,8.). Исходя из представлений о закономерности кризиса конца XVI – начала XVII вв. автор пишет: «...в беглецах в пограничную Северскую землю и в казаках разных наименований... было уже готовое войско... Новый порядок только еще создавался в русской земле, еще не примирились с ним окончательно те, кто не успел забыть старого... боярство ожило в своих надеждах ввиду возможного пресечения династии... В старых вечевых городах... ожили старые предания... Правительство Годунова было непрочно, выбор Годуновых на царство хотя и свершился в самых торжественных формах, но в полную искренность выбора едва ли многие верили...» (там же, с. 94.). Наряду с внешними факторами (благодаря особым отношениям с Польшей, Швецией и Австрией) была создана взрывоопасная ситуация, «...но для успеха всех этих разнообразных стремлений... необходимо найти общее знамя. Таким знаменем мог стать только представитель старой династии...» (там же, с. 95.).

Бестужев-Рюмин выдвигал на передний план две основные, на его взгляд (а также и на взгляд С. Д. Шереметева), проблемы в исследовании эпохи – события 1591 года в Угличе, а также связанный с нею вопрос о происхождении и личности Дмитрия (самозванца?).

Особым «мотивом» в историографии Смутного времени является переписка исследователей-единомышленников. Например, граф С. Д. Шереметев в процессе работы обращался за помощью в архивных розысках к Н. К. Никольскому – одному из крупнейших исследователей истории монастырей, в том числе и Севера России, автору книги «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века». Это был запрос о дьяках Огурцове и Истомине. Ответ на этот запрос должен был заложить фундамент под новую гипотезу (Никольский Н. К. Письмо Н. К. Никольского графу С. Д. Шереметеву о дьяках Кирилло-Белозерского монастыря Огурцове и Истомине 8 июля 1893 года. Архив русской истории, 1995, вып. 6. Сс.170–180.). Еще одним корреспондентом графа Шереметева был И. С. Беляев, который занимался архивными поисками документов Смуты, особенно по Угличу. Беляев разделял сомнения графа в правоте официальной версии о судьбе царевича Дмитрия. (Беляев И. Д. К вопросу о смерти царевича Дмитрия. Русская старина, 1913, № 4.). Огромный интерес вызывает и переписка С. Д. Шереметева с Н. К. Бестужевым-Рюминым (Н. К. Бестужев-Рюмин Письма Н. К. Бестужева-Рюмина С. Д. Шереметеву о Смутном времени. – СПб., 1898.).

«Письма...» были написаны в период с 1892 по 1896 год, в самый разгар подготовки С. Д. Шереметевым своего труда по угличским событиям и позволяют нам определить ход и динамику процесса исследования. В конце концов, Бестужев-Рюмин принимает концепцию графа, однако в переписке предлагает ему ряд своих вопросов, в том числе и о роли патриарха Филарета в Тушине.

Ответам на них посвящено «Угличское событие», написанное с благословения Бестужева-Рюмина, отмечавшего, что «путь, выбранный Вами, самый надежный. Если до сих пор Смутное время оставалось книгой за семью печатями, то причиной было отсутствие деталь-

ной разработки; в такой разработке на первом плане стоят взаимные отношения деятелей, разумеется, на общих основаниях условий времени...» (Н. К. Бестужев-Рюмин. Письма Бестужева-Рюмина С. Д. Шереметеву о Смутном времени. – СПб., 1898. С. 8.). Этот методологический посыл был в полной мере реализован графом в своих трудах...

С. Д. Шереметев, современник расцвета «государственно-юридической школы», по своим методологическим взглядам и манере исследования был близок к М. П. Погодину. Его исследования отличали психологизм, личностный подход к описанию исторического процесса, основным объектом его разработки становились судьбы людей на арене исторических событий. Отсюда и проблематика его работ о Смутном времени, где нет целенаправленного стремления рассмотреть социальные процессы, политическую борьбу. Правда попытка такого рода, естественно, просматривается, но она не является главной в исследовании). Здесь нет и оценки глобальных сдвигов в общественном сознании и в истории государственных институтов (как у Ключевского, Платонова), а есть стремление разобраться в психологии поступков героев Смутного времени.

Несомненно, самым масштабным трудом графа Шереметева стало, так и не увидевшее свет «Угличское событие» (РГАДА, ф.1287, дд. 4410–4424.) в двадцати четырех томах. Здесь автор на архивных материалах, краеведческих и биографических данных о представителях крупнейшей поместной дворянской аристократии – Романовых, Шуйских, Мстиславских и их многочисленных родственниках, а также на глубоком исследовании событийной канвы Смутного времени в центре и на окраинах государства, приходит к обоснованию новой гипотезы о судьбе царевича Дмитрия в 1591 году.

В этом контексте очень важна одна из магистральных работ Шереметева «От Углича к морю Студеному». Здесь автор прослеживает связи Углича с северными областями Московского государства – Беломорьем, побережьем Северной Двины, Вологодской землёй (Шереметев С. Д. От Углича к морю Студеному. Старина и новизна, кн.7, СПб. 1904, с. 200.).

Через судьбы и родственные связи двух непосредственных современников событий в Угличе – Ивана Пашина и Василия Буторина, посадских людей, чьи фамилии упоминаются в «Следственном деле...». Автор прослеживает их перемещение на север страны после достопамятных событий 1591 года. Далее исследователь также обращается к непосредственной политической связи Углича с Антониево-Сийским монастырем и прилегающими к нему владениями... «Сложное и загадочное Угличское событие... побуждает искать других путей, других „беспристрастных“ показаний, вопрошая даже землю, ради некоторого частного освещения отдельных событий Смутного времени. Такая детальная разработка признана покойным профессором Бестужевым-Рюминым», как объективное исследование (Шереметев С. Д. От Углича к морю Студеному. Старина и новизна, кн.7, СПб. 1904. С.200.). Эта фраза, по нашему мнению, является квинтэссенцией методологии Шереметева – историка.

Опубликованная двумя годами ранее работа «Царевна Феодосия Федоровна» – наполненное разнообразным исследовательским материалом (прежде всего – дипломатическим) – попытка автора проанализировать расстановку политических сил от смерти Грозного и до событий, непосредственно предшествовавших 1591 г. (опала Шуйских, деятельность Андрея Щелкалова и Федора Романова). Особое внимание автор уделяет внешнеполитическим связям московской аристократии, а также впервые акцентирует внимание на исследовании «женских влияний» на политику московского двора, в частности, на ролях Ирины Годуновой и Марии Скуратовой – жены царского шурина (Шереметев С. Д. Царевна Феодосия Федоровна. – СПб., 1902.).

Генетически близка к этой работе – «Ближняя дума царя Федора Иоанновича». Это еще одна попытка на основе биографического подхода рассмотреть политическую ситуацию накануне 1584 года (смерти царя Ивана Грозного), определить, почему верх одержали именно Годуновы и Романовы, а Нагие и Бельские оказались не у дел и были удалены из Москвы.

Рассматривая истории родственных связей между членами Ближней Думы, Шереметев делает вполне обоснованные выводы о формировании родовых группировок при дворе, уже ко времени смерти Грозного, готовых вступить, в случае необходимости, в борьбу за власть. (Шереметев С. Д. Ближняя Дума царя Федора Иоанновича. – СПб., 1910.). Примыкает к этой группе и исследование «По поводу родословия Нагих».

Психологизм и личностный подход Шереметева – историка ярко проявляется в еще одной группе трудов, куда можно отнести «Василия Ивановича Шуйского», «Тушинцев» и «Расстригу». Последняя работа так и не увидела свет, видимо, из-за слишком смелых идей.

«Расстрига» (неопубликованная работа, РГАДА, ф. 1287, д. 4449.) полностью посвящен попыткам автора исследовать психологический облик одного из главных творцов Смуты, человека, по мнению автора, безусловно, неординарного и смелого. Задвинув на периферию исследования внешнюю канву событий, автор по-новому пишет исторический портрет человека, царствовавшего в Москве в 1605–1606 гг. и окружавших его людей, прежде всего Филарета, Андрея Щелкалова, Афанасия Нагого, Марии Нагой, Марины Мнишек и др.

Большинство работ графа, посвященных Смутному времени, стали составными частями его глобального труда «Угличское событие». Работа еще до своего выхода ожидалась с огромным интересом в обществе и среди историков-профессионалов, так как от нее ждали и нового комплекса материалов, и нового истолкования уже известных событий и фактов. Этот труд – логическое завершение десятилетних изысканий и еще одна попытка «заполнения белых пятен русской истории» – именно в этом Шереметев видел основную задачу профессионалов. (Шереметев С. Д. О задачах русского историка. РГАДА, ф. 1287, оп.1, д. 3240.).

Граф уделял большое внимание и сюжетам Семибоярщины (в работе 1906 года «Заметки по поводу Семибоярщины» автор тщательно разбирает ее состав и судьбу ее членов и опровергает стремление историков навесить на них ярлыки изменников). Часть работы он посвящает также личности Расстриги. Одной из задач историка он называл «оправдание личности Расстриги и установление его подлинности, так как под наслоением клевет, подтасовок, подлогов скрывается тайна, освещающая весь последующий ход истории». К примеру, Шереметев считал, что личность Петра I получила бы совсем иное толкование, а переход из истории средневековой Руси в Новую историю России не был бы столь резким, если бы благоприятные обстоятельства оставили на троне «законного государя» (РГАДА, ф. 1287, оп.1, д.70, л.161.).

Фигура Расстриги выбрана не случайно – это еще одно «белое пятно» русской истории. Сомнение по поводу происхождения этой личности выражали многие историки, начиная с Миллера и Карамзина – до Погодина и Костомарова (который особо отмечал слишком слабую изученность темы и недостаток материалов для того, чтобы делать окончательные выводы и склонялся к той или иной точке зрения).

Своими изысканиями по истории Смуты Шереметев привлек к себе внимание исторического сообщества. Ходом его разработок интересовались В. О. Ключевский (особенно отмечавший новизну методологического подхода графа к исследованию) и С. Ф. Платонов, лично знакомые с графом, а также авторы крупных исследований о Смуте – В. С. Иконников и К. Н. Бестужев-Рюмин – крупнейшие историки конца XIX века.

Смуте посвящено около десяти работ Шереметева. Все они, как отмечалось выше, закладывали фундамент для воплощения одной цели – создания глобального труда о судьбе «убиенного царевича». Непосредственно по 1591 году им было опубликовано «По поводу родословия Нагих» и «От Углича к морю Студеному». Напомним, что два же основных его труда – «Расстрига» и «Угличское событие» так и не увидели свет при жизни автора.

Разрабатывая собственный метод исторического исследования, Шереметев многое почерпнул у своего современника – М. П. Погодина, прежде всего, стремление объяснить исторические события влиянием субъективных причин. Если реформы Петра I Погодин объясняет как следствие династического кризиса начала XVII века, то для Шереметева практически вся

предыстория Смутного времени находится в зависимости от родственных, семейственных и дружественных связей.

Тот и другой придерживались мнения, что история – «целый курс психологии в лицах», в котором первостепенное значение отдельные сильные личности, получившие право называться историческими. Исходя из этого, граф очерчивает круг людей, которые сыграли подлинно важную роль в таинственной судьбе царевича Дмитрия. С этих же позиций он рассматривает и состав Ближней Думы при Федоре Иоанновиче, рассуждая о каждом из её членов, исследуя их деятельность в соответствии с положением при дворе, в обществе и в глазах Ивана IV.

Шереметев-историк считал необходимым изучение родственных связей, благодаря которым удалось бы определить круг персон из «угличской обстановки» царевича и тех моментов в ее развитии, которые привели к катаклизмам в Русской государстве рубежа веков.

Смутным временем Шереметев занимался не одно десятилетие, изучая различные аспекты этого периода истории. Однако в главной теме исследования точка поставлена так и не была. Старший сын графа в своем дневнике приводит свидетельства об огромном интересе историков, занимавшихся этой проблемой к исследованиям отца, к тем архивным материалам (в том числе и польским), которыми он обладал. Бестужев-Рюмин высказал мысль, что если бы Карамзин, Костомаров или Соловьев обладали бы этими материалами, то вся история 1591 года предстала бы в другом свете. (Шереметевы в судьбе России. Сост. А. Алексеева, М. Ковалева. М. 2001. С. 250.).

Так в чем же ценность трудов С. Д. Шереметева? На наш взгляд, актуальность его исторических «штудий» может состоять в том, что написанные более, чем сто лет назад, они не затерялись среди трудов отечественных и зарубежных историков, а наполнили новым содержанием важнейшую страницу истории России, которая именуется «эпохой первой русской Смуты».

2018 год – год столетия со дня кончины графа Сергея Дмитриевича Шереметева. Этот прозорливый и талантливый исследователь достоин того, чтобы память о нём и его трудах сохранилась в памяти благодарных потомков, грядущих поколений россиян, любящих и изучающих историю своего Отечества.

Глава 1

Скрещенье судеб (1591–1598 гг.)

Король и шут – Различные портреты.
Два образа – лицо лихой поры.
Россию, преступившую заветы,
Тогда терзали «тати» и «воры».

Два образа – один открыт и грозен,
Другой же – шут, но ухищрит врага.
Один красив – трагично благороден.
Другой с ним схож, но первому – слуга.

Один – с венцом, и в воинском доспехе,
Со взором рыцаря, с печалью на челе.
Другой – казак в епанче, «для потехи»
Навесил саблю, сам «навеселе».

Но их двоих судьба соединила,
Опутав Смутой, явью замутив.
В России помнят; Смута ворожила,
Царя вором лукаво подменив.

Дементий Климентьев, 2017

Долгая прелюдия русского перегрева (1591–1601 годы)

В полдень мая в 14-й день 7099 года от Сотворения миру (1591 год по Рождеству Христову) дородный и широкоплечий в тёмно-вишнёвом кафтане, подпоясанном кушаком, старший дьяк государевой Дьячей избы города Углича Михаил Битяговский степенной походкой, многоопытного служилого человека вышел на высокое крыльцо своего дома. Оборотаясь в сторону золотых крестов кремлёвского Спасского собора, наложил три раза крестное знамение на себя и тяжело вздохнул. Покачав головой и расправив усы, стал спускаться вниз, и, поскрипывая ступенями крыльца, прошёл на конюшню. На дворе сиял тёплый, яркий, майский день. В прохладной полутьме, пропахшей конским потом, навозом и сеном конюшни, негромко фыркали лошади, и слышен был храп спящего человека.

– Филиппка, иде ж ты? А ну ка, подь суды! – повелительно, но негромко позвал дьяк, обращаясь к своему холопу-конюху.

Храп прервался. Где-то в глубине тёмного помещения невысокий человек вскочил со своего ложа и бегом направился к выходу.

– Зде ся, аз господине, – покорно отвечал конюх, появившись в просвете воротного проёма и стряхивая клоки сена со своей вихрастой головы. Заискивающе, виноватыми, заспанными мутновато-синими глазами вперился в Битяговского.

– Всё спишь днём. Плетей бы тебе! Благо, што лошадушек блюдёшь и холишь, а то бы задал, – без угрозы в голосе, и даже почти по-доброму произнёс дьяк.

Виноват, господине, устал аз. Всю то ноченьку не спал, за лошадками доглядывал и буланому нашему копыта стриг и опиливал. Припадать стал буланый на правую переднюю, – оправдывался конюх.

– Это ты Филиппка, молодец, своё дело знашь, но сиречь о другом, важном деле побаям с тобою, – переходя на шёпот, промолвил Битяговский. – Что вчерась я тебе наказывал, сполнил? Возок-то двухосный, крытый льняной материей, готов ли? – уже серьёзно и тихо спросил дьяк.

– Готов, господине, и две лавки в возке том устроил, и сена настелил. И припасу съестного две сумы с караваями, да с соленьями, да с другой снедью, да два горшка с кашею утресь принёс с поварни и всё уложил дальнего пути для. Всё как велено исделал, – отвечал, полушёпотом холоп, кланяясь.

– Ладно, Филиппе. Пойдем ка, дозрим возок, – одобрительно молвил дьяк.

Они вышли на свет и молча прошли на задний двор за конюшню. Пыхтя, поднявшись и влезая внутрь, дьяк внимательно осмотрел крытый возок. Там действительно устроены были две прочных невысоких лавки, лежал ворох свежего пахучего сена, а в задней части возка стояли две сумы и два глиняных горшка, закрытые крышками и присыпанные сеном. Проверив всё, дьяк спустился с возка и, ухватив за ободы колёс, обеими дланями, покачал их.

– Всё проверил, господине. И ступицы жиром добре смазал, и шкворни новые забил, и оглобли осмотрел, и упряжь конскую самую лутчую подобрал. А возок-то добрый, лёгкий, двусный. С тройкой кóней и сто вёрст пробегит не заметишь, – приговаривал Филипп, видя, что господин всерьёз проверяет порученное дело. Бывало за ним такое нечасто, ибо доверял своему конюху.

– Добре, добре, Филиппка. А пять сотен вёрст пробегит энтот возок? – спросил дьяк.

– И тысячу вёрст пройдет, господине, – отмолвил холоп, – крепкий возок.

– Твои слова, да ко Господу. Таперь ко запрягай в енти оглобли нашего лутшаго вороного, да пристяжными молодых жеребцов к яму – серого, да гнедого с белыми бабками, – велел Битяговский.

– Для какого ж важного дела, государь мой, таких добрых кóней велишь впрягать? – с удивлением спросил конюх.

– Ты, Филиппе, исполняй, како тебе велено, да не спрашивай. Запряжёшь, доведи мне, – велел дьяк и ушёл в дом.

Через четверть часа конюх уже исполнил веление господина, доложил ему и в ожидании ждал возле возка. Дьяк пришёл быстро. Внимательно осмотрел упряжку, а затем молвил:

– Нынче же, Филиппка, возьми с собой на поварне мёду для сугрева, скажи там, что де я велел. Следом доставь этот возок на нашу лесную заимку, што близ лесной дороги на Большое Село. Как доберёшься до заимки, затаись и жди. Приидут на заимку нужные людишки посацкие – Ивашка Пашин и Васька Буторин, ты ж знаешь сих.

Конюх утвердительно махнул головой. А Битяговский продолжал:

– Они ж тебе всё поведают. С ими ж пожди исчо, приидут туды ж и людишки от Афонасия Нагого. Ино Ивашка да Васька опознают сих, и договорятся с ими, отдашь им возок и лошадушек. Но, еже ли что заметишь по дороге недоброе, возвращайся назад и доведи мне. Да, гляди ж, час – другой прибежит с кремлёвской конюшни от Нагих – Васька Недорез со товарищи, дак выведи ему восемь добрых лошадей. Пусть ведёт с собою...

– Исполню, как велишь, господине, – тихо отвечал холоп.

– Вот тебе кошель с серебром. Ежели какая беда случитца со мною во Угличе, будет энто в награду тебе, мой верный слуга, – негромко произнёс дьяк и вложил в руки холопа тугой кожаный мешочек с серебряными монетами.

– Благодарствую, государь мой, – с поклоном молвил холоп.

– А как заберёт Васька лошадей, не медли, Филиппе, езжай ко, не откладывая. Благослови ты Господи, – произнёс дьяк, крестя своего слугу.

Через полчаса, на двор к Битяговскому приехали верхом два человека. Один из них – крепкий, широкоплечий, голубоглазый, с чубом пшеничных волос, назвался Василием Недорезовым. Филипп вывел им восемь лошадей и те увели их с собой в поводу.

А следом крытый возок выехал со двора Битяговского и направился по дороге на северо-восток от Углича.

* * *

Посол королевского двора ея величества Елизаветы – королевы Англии Джером Горсей мая 15 дня того же года находился в Ярославле по делам Ост-Индской торговой кампании. Послан он был туда самим государем Всея Росии Феодором Иоанновичем и Боярской думой. В Ярославле тоже было беспокойно, люди из черни собиралась в кучи и что-то громко обсуждали, потрясая дрекольем. Уже в полдень на посольский двор с тревожною вестью прискакал гонец, извещавший, что во Угличе гремит колокольный сполох и всё простонародье взялось за оружие, да избивает государевых людей. Смутная тревога овладела душами обитателей аглицкого подворья в Ярославле. Ещё не свечерело, как Горсей приказал своим слугам, немедля закрыть ворота двора на крепкие засовы и замки, вооружиться холодным оружием, зарядить мушкеты и пистолеты. Ночь настала тревожная и беспокойная, ибо в городе вспыхнули пожары. Хмельная чернь поджигала дворы и лавки ненавистных купцов и государевых чиновных людей. Сполохи огня и зарево метались по городу и их вспышки гасли в окрестных далях. Резко пахло гарью и дымом. Никто на подворье не сомкнул глаз. Джером приказал слугам стрелять за частокол без предупреждения в каждого, кто появится с факелом, с охапкой сена или хвороста.

О событиях той страшной, мятежной и таинственной ночи Горсей написал спустя несколько лет уже у себя на родине:

«Царь и совет отослали меня на время в Ярославль... Ночью я поручил свою душу Богу, думая, что час мой пробил. Кто-то застучал в мои ворота в полночь. Вооружившись пистолетами и другим оружием... я и мои 15 слуг подошли к воротам... „Добрый друг мой, благород-

ный Джером, мне нужно говорить с тобой“. Я увидел Афанасия Нагого... „Царевич Дмитрий мёртв, дьяки зарезали его около 6 часов, один из слуг признался на пытке, что его послал Борис, царица отравлена и при смерти, у неё вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа заклинаю тебя; помоги мне, дай какое-нибудь средство. Увы! У меня нет ничего действительного“. Я не отважился открыть ворота, вбежал в дом, схватил банку с чистым прованским маслом и коробочку венецианского порошка... Я отдал всё через забор и он ускакал прочь».

Ко всему прочему Горсей передал Афанасию Нагому ещё и полновесный мешочек с золотыми и серебряными монетами. Правда, по определённым причинам, связанным с этикетом и секретами дипломатического характера Горсей о том не упомянул. Это было последнее официальное свидетельство об Афанасии Нагом – старшем дяде царевича Дмитрия по материнской линии. Афанасий навсегда исчез с политической арены Московского государства. Однако существует очень большая вероятность того, что он бежал на север и, благодаря преклонному возрасту своему, принял монашеский постриг в одном из монастырей Беломорья.

* * *

События прошлых лет

В 1586 году от Рождества Христова умер давний враг России Польско-Литовский король Стефан Баторий. В польско-литовском сейме¹ воцарилась смута, так как католическое духовенство, шляхта и магнаты не смогли сразу договориться о достойном претенденте на трон. В Речи Посполитой началось междукоролевье. В 1587 году в сейме сторонниками сильной русско-литовской партии был поднят вопрос о государственной унии Речи Посполитой с Россией. Малолетний царевич Дмитрий Иоаннович был выдвинут претендентом на польско-литовский престол². Но древний род князей Шуйских, даже более знатный, чем род московских князей из династии князя Даниила Московского, также предложил своего кандидата в короли Речи Посполитой. Уверенно и смело повели себя князья Шуйские тогда на Москве. Не в первый раз *Шуйские возглавили княжеско-боярскую оппозицию верховной власти в России*. Но хорошо помнили бояре и княжата кровавые годы царской опричнины и страшно боялись её повторения.

«Привела ли опричнина к серьёзным изменениям в социально-политической жизни Московского государства? Нет. Система чрезвычайных мер, вызванных противоборством царя и высших родов титулованной аристократии, разожжённая нуждами войны, она проводилась в жизнь непродуманно, драконовскими способами. Большой кровью приправленная, на ходу перекраиваемая, опричная реформа была попыткой переделать многое; отступив от первоначальных своих замыслов сначала в 1570-м, затем в 1571-м, а окончательно в 1572 году, Иван Васильевич кое-что сохранил за собой; это „кое-что“ продержалось до середины 1580-х. И даже укрепление единодержавия и самовластия царского, достигнутое в результате опричнины, не столь уж очевидны. Личная власть Ивана Грозного – да, укрепилась несомненно, если сравнивать с 40 – 50-ми годами. Но увеличилось ли поле власти для его преемников на русском престоле? Прямых доказательств этому не видно» – пишет по этому поводу историк Д. М. Володихин³.

Вероятно потому, и «почил в Бозе» первый русский царь Иоанн IV, прозванный Грозным, «не своею смертию» на пятьдесят четвёртом году жизни. «18 марта 1584 года царь Иван

¹ Сейм речи Посполитой – сословно-представительный орган, подобный парламенту, рейхстагу, кортесам в странах средневековой Европы. В России с середины XVI века таким органом были Земские соборы. В польско-литовском сейме в большинстве своём были представлены католическое духовенство, знать и шляхта.

² Дмитрий Иоаннович – последний сын царя Иоанна IV Грозного.

³ Володихин Д. М. Иван IV Грозный царь Всея Руси. М.: Вече, 2013. С. 207.

IV Грозный умер. В свои неполные 54 года этот человек, несомненно одаренный, жестокий и маниакально подозрительный, выглядел глубоким стариком, развалиной. Сказались долгие годы борьбы, страха, расправ и покаяний, пьяных оргий. Ночные страхи и кошмары, болезни и переживания довели его до крайности – все тело распухло, глаза слезились, руки тряслись. Люди, окружавшие трон, трепетали перед ним, но плели интриги; поговаривали, что они-то, и помогли ему уйти в мир иной – подложили в пищу отраву», – утверждают историки А. Н. Сахаров и В. И. Буганов⁴.

Однако то, что пятидесятилетний царь «выглядел глубоким стариком, развалиной», ни коим образом не является следствием, того, что «сказались долгие годы борьбы, страха, расправ и покаяний, пьяных оргий». Уважаемые авторы, вероятно, без умысла, но передёргивают логику событий, связанных со смертью первого русского царя. А логический ход событий свидетельствует, что «все тело царя распухло, глаза слезились, руки тряслись», вероятно, потому, что он был отравлен. И действительно одно из последних вскрытий гробницы Иоанна Грозного и взятие пробы состава костной ткани подтверждает, что царь был отравлен медленно действующим ядом – вероятно мышьяком или ядом, составленным на его основе. Такой же участи удостоился и его сын Иоанн Иоаннович, смерть которого впоследствии большинство отечественных и зарубежных историков трактовало, как сыноубийство в приступе ярости.

Смиренный и богомольный царь Фёдор Иоаннович временно устраивал могучую боярско-княжескую элиту, ибо старался примирить овец с волками и шёл на уступки знатным родам. Но не иначе, как с 1587 года в Москве зрел заговор, возглавляемый князьями Шуйскими, Голицыными, Мстиславскими, Куракиными и иже с ними. Заговор был направлен на устранение нового претендента на престол – отрока-царевича Дмитрия Иоаннович и его окружения. Жестокая борьба за власть развернулась и близ царского престола.

Глава московского правительства хитрый и осторожный Борис Годунов, пользуясь поддержкой царя Фёдора, решительно расправился со своими соперниками – Шуйскими. Большинство из них оказалось в ссылке. Один из лидеров заговора – самый выдающийся, руководитель героической обороны Пскова 1581 года от войск Стефана Батория, князь И. П. Шуйский в той ссылке был умерщвлен. Стронника Шуйских, митрополита Дионисия, свели с митрополичьей кафедры. Его место занял Иов, ставленник Годунова. Однако, опасность царевичу, жившему с матерью Марией Нагой и всем её небольшим двором в удельном Угличе, не убавилась. На свободе у кормила государственного правления оставались многочисленные, неясные и тайные сторонники или единомышленники Шуйских – представители боярско-княжеской элиты.

Тем временем на польско-литовский престол был избран враг православия и России Сигизмунд – принц крови королевского дома Швеции. Однако, прорусская партия Белой и Малой Руси, противившаяся избранию Сигизмунда, явно оказалась сильной. Литовско-русская шляхта Великой Литвы и Вольни стала оппозицией новому королю. Никакие уговоры, обращённые к прорусской партии в сейме, де «царевич ещё млад», не помогли противникам государственной унии с Россией. Взоры многих видных политических деятелей, предводителей шляхетства, военачальников, магнатов в Литве, в Киеве, в среде Запорожского казачества, среди представителей греческого духовенства, бежавших от османского ига в Речь Посполитую, были обращены на маленького царевича Дмитрия.

А между тем в 1590 году обострились отношения английской короны с правительством царя Фёдора. Это заставило царя и Годунова вести активные переговоры с Литвой. Правительства Великого княжества Литовского и России обменялись верительными грамотами. Какое-то тайные переговоры в Вильно вёл от имени царя Фёдора царский гонец Андрей Иванов.

⁴ Буганов В. И., Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVII века. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., «Просвещение», 2012. С. 226.

В марте 1591 года в Литву отъехал посольство во главе с боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым (Кривым). О чём вело переговоры это посольство можно только догадываться. Одно ясно: в Великой Литве хотели достойного преемника на престол Речи Посполитой. *Не исключено, что разговор шёл лишь о преемнике на стол Великих князей Литовских! Многие литовские князья чаяли видеть независимым от Польши православное Великое княжество Литовско-Русское, во главе с православным государем.*

Вскоре из Нижегородской ссылки возвращён был князь Богдан Яковлевич Бельский. Был в своё время этот Бельский любимцем Ивана Грозного, истовым опричником. В год смерти Грозного царя (1583) недовольный тем, что ему было отказано быть в свите при царе Федоре, он явился в Кремль во главе своих вооруженных холопов и сторонников с требованием привести к власти младшего сына покойного царя – малолетнего царевича Дмитрия, рожденного от Марии Нагой. Боярская дума не пошла ему на встречу и подняла против Бельского столичные низы. В столице ударили в набат – москвичи, дети боярские из южных уездов, приехавшие на службу, со всех сторон бросились к Кремлю. По словам летописца тогда: «Весь народ восколебался». Восставшие собирались «выбить ворота (в Кремле) вон». Из Фроловских (Спасских) ворот выехали бояре и дьяки. Их встретили криками: «Выдайте нам Богдана Бельского! Он хочет извести царский корень и боярские роды». Бельский, видя безвыходность своего положения, велел своими людям сложить оружие. Вот тогда он был взят под стражу и сослан в Нижний Новгород.

* * *

В мае 190... года набережная Фонтанки, ярко освещенная газовыми фонарями, была заполнена отъезжающими каретами. В Фонтанном доме графа Сергея Дмитриевича Шереметева собирались любители и знатоки истории с тем, чтобы обсудить его очередную исследовательскую работу. До слуха прохожих доносились обрывки разговоров участников обсуждения, усаживающихся в кареты:

- Наскоки дилетанта на русскую историю...
- Что-то новое в изучении Смуты...
- Ему позволено из истории сделать приключенческий роман...
- Метод исследования интересный...
- Но ведь документы-то подлинные...
- Ересью пахнет...

Виновник этих разговоров – широкоплечий, дородный мужчина лет шестидесяти, с высоким благородным лбом и седой бородкой, провожая гостей, стоял в вестибюле дома, пожимая руки уходящим. Вот, кажется, и все разъехались... Но нет, в той части вестибюля, которая тонула в полумраке, стояла женщина, будто терпеливо дожидаясь, когда у хозяина дома появится возможность обратить на неё внимание.

– Простите меня, Ваше сиятельство, но я решилась побеспокоить Вас... – вежливо и с просьбой в голосе промолвила дама.

– Слушаю Вас, сударыня...

– Я с огромным интересом выслушала Ваш доклад. Скажу больше, я полностью разделяю Ваш взгляд на события, но хотелось бы уточнить детали, – заинтересованно произнесла женщина.

– Что ж, пройдемте в кабинет, там будет удобнее вести мотивированный разговор, – ответил Шереметев, указывая движением руки на лестницу, ведущую на второй этаж.

Собеседники двинулись наверх, обсуждая что-то по пути. Уже в кабинете граф предложил собеседнице кресло и сел сам за свой письменный стол.

– Скажите, граф, что Вы имели в виду, говоря о значении личных влияний на события? – неторопливо и явно обдумывая свой вопрос, произнесла дама.

– Да, вопреки известной теории, все зависит от «человеческих связей». Представьте, 1580 год. Одновременно происходит женитьба царевича Феодора на Ирине Годуновой и Ивана IV на Марии Нагой. На свадьбе разгорается местнический спор, перерастающий в свару – Годуновых и Нагих. Эти яростные противоречия помешают сближению двух родов, сыгравших столь заметную роль в последующих событиях, – неожиданно открыто и сразу переходя к теме, отвечал Шереметев.

– Граф, хотя я и не первый год интересуюсь историей, все-таки мало знаю о роде Нагих. Мне кажется он довольно «бледным» на фоне Шуйских, Бельских, Романовых, – высказалась собеседница.

– В этом Вы не правы... Самый старший брат царицы Марии – Афанасий, кстати вместе с Никитой Романовым вел переговоры с польским послом Зборажским в 1581 году, а в это же время в Польше находилось наше посольство в лице князя Дмитрия Елецкого и Романа Олферьева, который был свойственником Нагих, – подметил Сергей Дмитриевич.

– Значит, Нагие всегда были в милости?

– Ни в коей мере! Достаточно вспомнить ссору Ивана IV со старшим сыном. Годунов вступился тогда за царевича. Ему тоже «досталось» от царя так, что пришлось обращаться к врачу. В это время Афанасий и Федор Нагие распространяли слухи, что раны Годунова слишком опасны. Дошло до царя. Он уличил Нагих в обмане. Федор понес наказание, – подчеркнул Шереметев.

– Граф, еще вопрос... Когда же все-таки завязался первый узелок загадочного дела? – с ещё большим интересом спросила дама.

– В 1583 году, когда всплыл вопрос о наследстве Стефана Батория, сложный и жгучий вопрос, уже не раз служивший яблоком раздора между сеймами Польским и Литовским... *Наличие в Литве и на Вольни партий, желавших русского царевича, побуждает с особым вниманием следить за сношением Литвы и Московского государства*, – абсолютно уверенно констатировал граф.

– А какое значение в данном вопросе сыграла смерть Ивана Грозного? – спросила дама.

– О, она возбудила надежды, приблизила события, ускоряющие развязку... В это время нельзя не усмотреть, как постепенно завязывались отношения и закреплялась связь между единомышленниками с обеих сторон русско-литовского рубежа... Сколько было случаев вести подпольную борьбу, сближаться и готовить назревающие события... И все эти столкновения различных интересов и партий, различных семейных и политических групп, постепенно готовили двойственную игру, плодом которой явилось появление загадочной личности, смутившей современников и потомков, – с улыбкой и вдохновением в глазах разъяснил Сергей Дмитриевич.

– Граф, то, что Вы говорите – поразительно... Позвольте мне иногда досажать Вам своим обществом и вопросами? – попросила дама.

– Буду рад, сударыня...

* * *

Холодный и дождливый майский день 1591 года по Р. Х. лишь изредка озарялся проблесками солнца, разрывами небесной голубизны, затянутой темно-синими и серыми лоскутами тяжёлых облаков. Северо-западный ветер гнал нахмуренные облака куда-то на юго-восток. Казалось, что вот-вот и пойдёт снег. А в настоятельских рубленых покоях Сергиевой обители было почти по-зимнему хорошо натоплено, а потому уютно и спокойно. Ярko горели свечи в поставцах и лампы, озаря большое и свободное помещение. Изразцы печей излучали тепло.

В большой трапезной палате шёл негромкий, но явно тревожный разговор четырёх монахов. Двери были плотно затворены, и их никто не слышал. Двое сидели у большого трапезного стола. Один из них – дородный, седовласый и широкий в плечах, восседал во главе стола на малом возвышении с посохом в деснице. То был сам наместник обители Киприан. Второй, круглолицый, деловой и молодцеватый, сидевший одесную игумена на скамье, был монастырский келарь – отец Евстафий. За спиной келаря, почтительно склонив голову с пером, заложенным за ухо, стоял худой монастырский ключник и писарь – Авраамий. Вострый, долгий нос, высокий лоб, частично спрятанный под монашеским клобуком, твердо сложенные уста, а главное живые, серые глаза ключника свидетельствовали о его уме, сообразительности, настойчивости и предприимчивости. Четвёртый из присутствующих, худой монашек невысокого роста, с выразительными голубыми глазами и налётом детской наивности на малом личике, торопливо рассказывал, отвечал на вопросы отца-игумена, а порой и отца-келаря, коему по повелительному взгляду настоятеля также разрешено было опрашивать худого монашка. Этого инока звали Христофором.

– Яко же вдовая-то царица Мария не досмотрела? – покачивая лобастой породистой главой, с удивлением спросил отец-наместник.

– По полудню того злосчастливого дни государыня-царица со братьями своими Андреем, да Григорием Нагими трапезовать сели. А сыночка – царевича Дмитрия пусти погулять и ся потешить с четырьмя сверстниками ево, – вкрадчиво, негромким, неровным, но певучим голоском ответствовал Христофор. – Играша ся отроки те на малом заднем дворике – в уголку, между палатою дворцовой и стеною кремлёвскою. А за ими-т мамка Василиса Волохова приглядываша, да две другие няньки. Обед-то токо и начнися, как во дворе кто-то громко возопие: «Погибе! Погибе!».

Вдова-царица побегу вниз. *Тамо и обретши сына, в крови лежаща. Сына единственна и уже мертва суща.* От горя обезумевши, кинула ся она избивати мамку-Василису. Де не уберегла царского сына, де казнить велит Василису. Баяли, де била ея поленом по главе, приговариваша: «Казню тя и сына твоего Осипа, что зарезал, сына мово *Дмитрия!*» Избив мамку, в сердцах повеле звонити в колоколы, да сзывать народ. Набатов тем и подня ся весь град Углич!

– А что ж братья-то царицыны Нагие? – вопрошая взглядом разрешения спросить наместника, проронил отец-келарь.

Отец Киприан, с тихой молитвой на устах, накладывая крестное знамение, одобрительно кивнул седой головой, покрытой лёгкой камилавкой.

– Как начался тот сполох, братья вдовы-царицы Андрей, да Григорий вниз сошли. А третий-то брат царицын Михаил Нагой «прискочил на государев двор пьян на коне». Зело пьян, – сказывал иннок. – Притече тысячи народу на государев двор да все с дрекольем, да с кистени, да с цепы, да с секиры. А след прибеги верхи дьяк углицкий Михаил Битяговский. А народ-то оружием потрясаша, вопие во всё горло: «Избием Волоховых! В распыл их!»

– И што же дьяк – государев чиновный человек, да не призвал к порядку?! – с долей негодования изрёк наместник.

Инок послушно склонил голову и отвечал, что дьяк не зная, что створилося, по первой взбежал в верхние покои царских палат. Ибо подумал, что взмястилась углицкая чернь, и угрожает побить Нагих и взять царицу и царевича в залог. А «чаял того, что царевич вверху». Не нашед царевича и матери ево, бросился в кремлёвский Спасов храм. Да пробег мимо толпы и покойного отрока, не узнав о смерти ево. Да взбеги он на колокольню. Там стал ломится в звонницу и требовал, чтоб «престали звонити в колоколы». Но звонарь «ся запер и в колокольню его не пустил».

– А што ж люд углицкий, не унялся таки? – вновь спросил отец-келарь.

Христофор отвечал, что как толико дьяк Битяговский явился пред народом и узнал, что за беда приключилась, то поначалу прикрикнул на толпу, а затем принялся уговаривать Михайлу Нагого, «чтобы он Михайла, унел шум и дурна которого не зделал».

Из рассказа Христофора следовало, что появление Битяговского в тот час спасло Волоховых. Как потом показали служители Дьячей избы, Никита Качалов вступился за Осипа Волохова, «учал говорить, чтоб его шурина не убили». Тот вступился за шурина, когда на государевом дворе ещё распорядился Битяговский. Но негодующий народ в страстях, а возможно и при подговорах Нагих убил Качалова. По привычке молодой Качалов уповал на помощь авторитетного и сильного дьяка, что приходился ему дядей. Осип же Волохов воспользовался минутой, когда разъярённая толпа убивала Никиту. Он сбежал, как иуда, оставил заступника своего и укрылся на подворье Битяговских.

– Дозволь, отче, испросити, инока? – вкрадчиво, но неожиданно, для наместника и келаря вдруг произнёс ключник Авраамий.

Отец-наместник, одобрительно кивнув, огладил бороду и внимательно посмотрел на ключника.

– Отчего глаголеши, Христофоре, де Нагие подбивали народ к убийству Волоховых и Качалова? – задумчиво спросил Авраамий.

Христофор немного поразмыслил, помолчал и стал осторожно, подбирая слова, рассказывать о том, что отношения государева дьяка с братьями вдовой царицы были испорчены уже с первых дней приезда во Углич. (Хозяева Угличского удела, «подаренного» царём-государем Всея Росии Феодором Иоанновичем вдове-царице Марии и её сыну-наследнику, изначально утратили право распоряжаться доходами со своего княжества и получали деньги «на обиход» из царской казны. Уж три десятилетия, а то и боле миновало, с тех пор, как позабыли в Русском государстве про уделы!

Назначенное Боярскою Думой и царём содержание казалось вдове-царице, и особенно её братьям мизерным, недостойным последней жены и наследника – сына государя Иоанна Васильевича Грозного. Зависимость от государева дьяка была для них унижительна. Дядя царевича, Михаил Нагой, постоянно «прашивал сверх государева указу денег ис казны». Битяговский же «ему отказывал». То и послужило причиной постоянных ссор и брани. А последняя стычка меж государевым дьяком и дядей царевича произошла утром 15 апреля.

Сначала с помощью Качалова, Битяговский и прискакавшие за ним слуги, помешали расправе с Волоховым. Избитая в кровь, но оставленная живой Василиса Волохова видела, как царица указала на Битяговских и «молвила миру: то де душегубцы царевича». Пьяный Михаил Нагой взялся выяснять отношения с дьяком. Тут на помощь Битяговским пришли их родственники и холопы. Однако угличане надавили на них. Дьяк и его люди вырвались из Кремля и заперлись в Дьячей избе. Но народ словно осатанел. Секирами толпа низвергла двери, распорядилась с укрывшимися людьми и разгромила палаты. Следом смутьяны ринулись на подворье Битяговских. Дом и хозяйство дьяка были разграблены. Добрались до погребов. «Питие из погреба в бочках выпив, и бочки кололи». Жену убиенного дьяка, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли с детишками в Кремль на государев двор». Туда же привели Осипа Волохова, найденного в доме Битяговских. *Близ храма прибили и какую-то «юродивую жёнку», которая якобы указала убийцам, где царевич. Но на самом-то деле эта юродивая, верно, видала убийц, и то как убивали, потому ей и закрыли рот.*

– А что ж священство углицкое? – с придыханием спросил отец-келарь.

– В тот день слышал аз грешный, что в Спасском храме в Углицком кремле литургию служили старцы из Кириллова-Белозерского монастыря. Уж по какому делу пришли оне во Углич, того не ведаю. Ведаю токмо, что утресь на литургии той был и царевич Димитрий. А страцы кирилловския причасти и благословиша царственного отрока. Како же сослужиша обедню, так старцев тех и след простыл, ушли восвоися.

Углицкий же архимандрит владыко Феодорит и отец-игумен Савватий служиша обедню в монастырском храме. В той обители предградной и аз грешный обреталси, и на литургии в час тот в молитве пребывал. Како слышала братия набат, то довела до владыки, – рассказывал инок.

По словам Христофора архимандрит и игумен сразу отправили в город своих слуг. Те, возвратились вскоре и доложили, что «слышали от посацких людей и от посошных, что будто се царевича Дмитрея убили, а того не ведомо, хто ево убил». Обедню тем временем уже сослужили. Вслед за слугами в монастырь прибежал кутейщик и именем царицы велел старцам ехать в Кремль. Те велели заложить возок и скоро отбыли. Как раз в разгар общего смятения и явились на государевом дворе владыка углицкий и отец-игумен.

– За ними прибег туда и аз грешный, – молвил Христофор и замолчал.

– Не молчи, молви далее, – с нетерпением произнёс отец-наместник.

Христофор помедлил, словно раздумывая, что сказать, а затем снова продолжал. По его словам царица Мария и покойный царевич были уже в храме. Игумен же Савватий вошёл в Спасов храм, а владыка Феодорит стал увещевать народ. Марию Нагую игумен застал во храме возле сына: «ажно царевич лежит во Спасе зарезан, и царица сказала: зарезали-де царевича Микита Качалов, да Михайлов сын Битяговского Данило, да Осип Волохов». Появление монашества и священства на соборной площади Кремля временно приостановило самосуд. Разнужданная, хмельная толпа уже измывалась над дьячихой и собиралась убить её. Но старцы «ухватили» Битяговскую с дочерьми и «отняли их и убить не дали». По словам инока, старцы и он сам видели в храме Осипа Волохова. Тот стоял неподалёку от покойного царевича «за столпом», весь израненный. Мать же его Василиса умоляла вдову-царицу «дати ей сыск праведной». Вдова-царица пыталась защитить Осипа, но не смогла. Едва старцы покинули храм, чернь схватила Волохова и вывела из храма на расправу.

Завершая тот трагический рассказ, Христофор добавил, что в тот кровавый день в Угличе погибло 15 человек. Покойников остервенелые убийцы бросили в ров у кремлёвской стены, где собаки слизывали с них остывающую кровь. К вечеру на третий день в город вступили правительственные войска. Похмелье прошло, и осквернившие себя кровью невинно убиенных, теперь поняли, что им придётся держать ответ за убийство первого в городе царского мужа, представлявшего в Угличе особу государя Всея Росии Феодора Иоанновича.

Драма, разыгравшаяся в Угличе 15 мая 1591 года от рождества Христова, стала угловым камнем («камнем, положенным во главу угла») определившим трагические события последующей четверти века, первой в России Гражданской войны, и всего, грядущего вслед тем событиям, столетия. В этой драме, словно в капле воды, вспыхнул и отразился грядущий водопад низвержения Российского государства с высот его бывшего величия, в коем оно пребывало в XVI веке.

* * *

В те дни второй половины мая 1591 года небольшой крытый возок, запряженный тройкой коней, спешно проехал по Сулоцкой дороге на Ярославль. Возок сопровождали восемь деспешных, вооружённых слуг. Правда, поверх кольчуг на них были вздеты кафтаны. Но за поясами были пистолеты и ногайские ножи в ножнах, и коней погоняли они добрыми плетьюми.

Минуя Ярославль, эскорт тронулся на север в сторону Вологды мимо монастыря св. Павла Обнорского. В том монастыре лишь переночевали и поспешили далее. Вологду объехали стороной. А за Вологдой перед путешественниками открылось полноводное, вытянутое вдоль дороги Кубенское озеро. Мимо озера направили они свой путь западнее – в сторону Кириллова монастыря. В Кириллов монастырь прискакали к вечерней службе. Как только возок и охрана подъехали к монастырским воротам, те без вопросов и без разговоров были открыты сторожей,

как будто в монастыре давно ожидали приезжих. В вечерних сумерках из возка вышло двое слуг, один из которых нёс на руках спящего отрока лет семи. Для отрока и трёх его ближних слуг была приготовлена в монастыре особая настоятельская келья, где хорошо была натоплена печь, и накрыт небольшой, но обильный по монастырским меркам стол, где хватало всякой снеди, кроме мяса, крепкого мёда и вина. Для вооружённых слуг, сопровождавших отрока была истоплена баня и также приготовлена добрая трапеза с пивом. Два дня высокородный отрок и его охрана пребывали в Кирилловом монастыре, ходили на службы, исповедовались, причащались. Три старца несколько раз подолгу беседовали со отроком, расспрашивали его о чём-то, наставляли. На третий день поутру старцы благословили приезжих ипустили их в дальний путь. А путь этого эскорта лежал далее на север на Белое озеро.

Пришёл июнь, потеплело. Охрана ночевала у костров близ возка, в котором спал высокородный отрок. В Белозерск не заезжали, а в объезд холодного и синего Бело-озера пошли на Каргополь. Днём огромная озёрная чаша искрилась под лучами солнца мириадами световых потоков и слепила глаза. Где-то вдали рыбацкие челны, а то и торговые дощаники⁵ под парусом бороздили бескрайний водный простор. Отрок, вылезая на передок, не отрываясь, смотрел на водную гладь, и что-то выспрашивал у слуг. Всё вызывало у мальчика восхищение. Но слуги, которых звали Юрьем Огурцом и Власием Меншиковым плохо знавшие эти места, отвечали неохотно, хотя и с уважением. Лишь Васька Недорез, который не раз бывал здесь и ехал всё время близ возка поддерживал разговор с мальчиком.

– Чем же рыбаки здесь рыбу ловят? – спрашивает отрок.

– Како и во Угличе на Волге, государь мой, – сетями, – отвечает Василий, – толико на Волге-реке сети с берега заводят, а туто ка – на озере с лодок, да с людей, с кормы забрасывают и за собой на вёслах, аль на парусах тащат.

– Дивно сие! – восклицает мальчик.

– И не такое диво есть! Иной рыбак большую рыбу – белорыбицу в Бело-озере, да на озере-Лача, или на Онеге-реке, а то и на Мезене или Печоре, у берегов Студёного моря⁶ острогой биет, – поддакивал Васька.

– Это како, острогой?

– Острога – копие такое, сажени в две, но с крюками у рожна, чтоб рыбу зацепить. А у основания древка – кольцо в коем вервь закреплена. Коль далёко, аль глубоко острогой ткнёшь, не утонет, обратно можно затянуть, а рыбу в лодку вытащить, ежели насунешь. Охота та рыбная с острогой «лучением» зовётся – рассказывает Недорез.

– Отчего ж лучением? Вот диво-то! Поглядеть бы! – продолжает восхищаться мальчик.

– Позришь исчо, мой государь, – подзадоривает слуга.

Каргополь-город тоже обошли стороной, а направились вдоль берегов Онеги-реки на Двину-реку – на Сийский-Антониев монастырь. Дремучие северные леса с вековыми, высокими и толстенными стволами елей и лиственниц приняли путешественников в свои объятия. Дикое зверьё, волки и медведи, да и лихие люди – ушкуйники или тати могли поджидать здесь одиноких путников. Северные монастыри давно уже укрывали сотни опальных из среды бояр, князей, их сродников и слуг. Каждый монастырь в лице своего основателя привлекал к себе тех или других членов известного рода. Нередко между ними были в чернецах родственники и друзья. Монастыри имели свои отдалённые владения на Севере, свои промыслы, рыбные ловли, солеварни; тяготение всей хозяйственной деятельности склонялось к Северу, к земле Двинской, к Студёному («Дышащему») морю. Оттуда приходили дощаники с их товарами, с рыбой и солью. Туда каждый из богатых монастырей направлял свою деятельность хозяйственную и торговую. В распоряжении обитателей были тысячи «трудников», «чер-

⁵ Дощаник – позднее название однопалубной ладьи в России XV–XVII вв.

⁶ Студёное море – название Белого и Баренцева морей в русском языке XII–XVIII вв.

нецов» и «бельцов», опытных в деле, привычных к плаванию и к путешествиям, хорошо изучивших глухие и отдалённые северные края. Там у берегов Беломорья этот «рабочий люд» сталкивался и тесно общался с иностранцами разных национальностей – датчанами, англичанами, немцами, голландцами, занимавшимися торговлей, скупкой пушнины и прочей коммерцией, среди которых было немало авантюристов, стремившихся обогатиться в России любыми способами. Здесь часто появлялись и ходили в употреблении обесценившиеся деньги с малым содержанием серебра и фальшивая монета. На Севере ощущалось и постоянное присутствие правительственных соглядатаев. Они действовали в целях ограждения российских интересов, наблюдали за вооружёнными силами, укреплением обороноспособности отдалённого северного региона. Они вели постоянный «дозор» за действиями шведов и датчан в Лапландии, пристально и неуклонно следили за немцами, англичанами, голландцами, и их агентами, сновавшими вдоль берегов Дышащего моря в поисках прохода к устью Оби и далее – в глубь Сибири. Потому охрана эскорта держалась настороже.

* * *

События прошлых лет

В январе 1590 года (за полтора года до кровавых дней в Угличе) русские войска вступили в Водскую пятину (волость) – землю, издревле принадлежавшую Новгороду Великому. Россия нанесла неожиданный удар Швеции. Это был ответ шведам, захватившим Водскую волость – западную часть Новгородской земли у берегов Финского залива на исходе Ливонской войны (1558–1583 гг.), проигранной Россией. Тогда – в мае 1583 года Россия, вырвалась из ливонского капкана, заключила со Швецией на реке Плюссе только *перемирие* на три года. Прекращение боевых действий было куплено оставлением русских городов-крепостей: Копорья, Яма, Ивангорода. Россия потеряла тогда единственный выход к Балтийскому морю на побережье Финского залива. Правительство России во главе с боярином Борисом Годуновым – шурином самого царя Феодора приняло решение о начале войны со Швецией, зная о том, что Речь Посполитая не вступит в эту войну. Последняя уже увязла в войне с Османской империей и Крымским ханством. Русское командование использовало для вторжения все имеющиеся в его распоряжении силы. *Кроткий царь Феодор Иоаннович лично повёл в поход свои полки.*

Уже в январе 1590 года русские войска почти без боя взяли Ям, осадили Копорье и вышли к Нарве. Близ Нарвы воевода князь Дмитрий Хворостинин разгромил в полевых схватках шведские отряды, выступившие против него. Руководство осадой Нарвы было поручено царём Борису Годунову. К сожалению, этому видному политику и дипломату не хватало военного опыта. Годунов приказал сосредоточить огонь всей русской артиллерии на пряслах крепостных стен города, чтобы пробить в них бреши. «А по башням и по отводным боем бити не давал». Бреши удалось пробить в нескольких местах, но крепостная артиллерия шведов, расположенная на нескольких ярусах башен подавлена не была. Царские воеводы повели войска на приступ 19 февраля. Располагая значительным перевесом, русские атаковали крепость сразу в семи пунктах. Колонна, направленная в главный пролом, насчитывала более 5 тысяч воинов. Среди атакующих было около тысячи казаков, и двух тысяч стрельцов. Однако благодаря фланговым ударам башенной артиллерии шведам удалось отразить натиск. Правда, в ходе тяжёлого рукопашного боя в проломе обе стороны понесли большой урон. Нарвский гарнизон был обескровлен, шведское командование утратило веру в благополучный для него исход схватки. Русские воеводы уже готовились ввести в бой свежие силы, но шведы запросили мира. Казалось, что если русские поведут себя решительнее, то Нарва поднимет белый флаг. Но Борис Годунов предпочёл не рисковать и повёл затяжные переговоры, пытаясь склонить шве-

дов к полной сдаче «Ругодива»⁷. Шведы затягивали переговоры. Это было им на руку, ибо зима заканчивалась, и лёд на реке Нарове стал подламываться, появились полыньи. Река могла разделить силы русских войск, располагавшихся по обоим берегам. Осторожность, воспитавшая в лице Годунова хорошего дипломата, не оправдала себя в дни войны.

По условиям перемирия, заключённого под стенами Нарвы шведы вернули России Водскую пятину с крепостями Ям, Копорье и Ивангород. Россия вновь обрела побережье Балтики между устьями рек Наровы и Невы. Однако овладеть портом Нарвы и восстановить «нарвское мореплавание» русским не удалось. Шведский король Юган III готовился к реваншу. Склонить к союзу Речь Посполитую ему не удалось. Тогда взгляд его обратился на Крымское ханство. В Бахчисарае пошли навстречу Стокгольму. Швеция провела самую крупную со времён Ливонской войны мобилизацию и к весне 1591 года сосредоточила на русской границе 18-тысячное войско.

Крым, пользуясь поддержкой Османской империи, собрал к началу июня для похода на Москву до 100 тысяч конницы и пехоты. Во главе с ханом Казы-Гиреем к русским границам устремились конные отряды ногайских татар, отряды янычар с пушками, пришедшие из турецких крепостей Северного Причерноморья – Очакова и Белгорода-на-Днестре. Это очень крупное и хорошо организованное войско, равное по численности войску хана Мамаю (до 120 тысяч), двинулось в Русскую землю, и в середине июня переправилось через реку Оскол.

* * *

К середине июня того же 1591 года *таинственный возок с высокородным отроком* и его охрана прибыли на Двину-реку в Сийский-Антониев монастырь. В Писцовых книгах по Архангельску под 1622 годом значится, что «*Монастырь Сийский на острову, на Михайлове на озере*». Правда, как пишет путешественник XVIII века: «Строение монастырское всё каменное и стоит на прекрасном, отовсюду наподобие *полуострова окружённом месте* по край озера, Михайловским прозываемаго, из коего небольшая речка Сия выходит и соединяется с Двиною». Так или иначе, но ясно одно – Сийский монастырь являлся в те времена островной каменной крепостью, вероятно, почти неприступной. Близ монастыря среди лесов располагались пашни, которые распахивали послушники монастырские – возросшие в монастыре сироты и «детёныши». Но власти монастырские зорким хозяйским оком охватывали свои владения аж до Студёного моря. А там уже лесная глушь сменялась обширным «окном» на морскую даль. В Двине-реке и на взморье послушники монастырские били острогой белорыбицу.

В монастыре остановились на целую неделю. И не удивительно, что и здесь всё было готово к приезду, казалось, неожиданных гостей. Первые два дня путешественники отдыхали и молились. На шестой день их пребывания в Антониевом-Сийском монастыре туда прибыли старцы и святители, в лице коих монашеская братия и послушники узнали известных в северных землях молитвенников и подвижников: Трифона Вятского, Замятню Отрепьева и даже двух митрополитов – Крутицкого Пафнутия и Ростовского Варлаама (Рогова). На следующий день после литургии настоятель монастыря Питирим и все означенные иерархи собрались на тайный совет, куда пригласили Ваську Недорезова и находившегося в монастыре скрытно Петра Афанасьевича Нагого. Совет состоялся в монастырской трапезной. О том, что решено было на том совете, стало известно лишь несколько лет спустя очень немногочисленному кругу лиц.

⁷ Ругодив – русское название города Нарвы в XVI–XVII вв.

* * *

Тем же летом – во второй половине июня 1591 года русские воеводы, получив сведения о численности крымско-турецкого войска, перешедшего реку Упу, на военном совете решили отказаться от намерения остановить врага на рубежах Оки – «на берегу». Важнейшие города-крепости южнее Оки и на Оке: Тула, Серпухов, Зарайск, Калуга, Кашира, Коломна, Рязань, Мещерский городок (Касимов) приготовились к серьёзной обороне и осаде. Слишком велика была сила крымских ратей, направлявшихся к последнему – окскому рубежу перед Москвой несколькими колоннами по фронту более чем в сотню вёрст. Крымцы переходили Оку веером от Серпухова до устья реки Лопасни. Возможность маневрировать и перебрасывать силы вдоль «берега» у русских воевод не было. Русские полки были отведены от окского рубежа и сведены к столице. Форсировав Оку, татарские рати вновь сошлись и собрались 1–2 июля в единый кулак на южном направлении – на Серпуховской дороге.

Ранним солнечным, горячим утром 4 июля 1591 года их сводная рать подошла к столице и заняла крупное село Котлы. Татары вышли в широкую пойменно-луговую излучину реки Москвы – в Замоскворечье в ту пору ещё необжитую и малозастроенную. Здесь можно было свободно развернуть конницу и маневрировать конными соединениями. Основная часть русского войска была сведена туда же – в северную часть излучины реки. Все москвичи, русские полки и городские укрепления были полностью готовы к отражению врага.

Русские войска заняли оборонительную позицию. Они сосредоточились в подвижном укреплении – «гуляй-городе», составленном из сцепленных между собой телег, возов, и легких, переносных щитов, сшитых из тонких брёвен и толстых досок. Этот укрепленный лагерь практически перекрыл Серпуховскую дорогу и одновременно фланкировал подходы к строящемуся Скородому⁸

⁸ Скородом – внешняя, четвертая (после Кремля) система укреплений столицы 1591–1592 годов, построенная в виде рвов, валов, бревенчатых стен и башен под руководством зодчего Ф. С. Коня, и пролежавшая по линии современного Садового кольца. До 1611 года линия этих оборонительных сооружений 68 башен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.